

**ДИСКУССИЯ НА ТЕМУ ПРОТИВОБОРСТВА И СОТРУДНИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ:
ОТ «ГИБРИДНЫХ ВОЙН» К «ГИБРИДНОМУ МИРУ»****Андрей Андреевич КОВАЛЁВ**

кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления,
Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация
senator23@yandex.ru

История статьи:

Принята 16.01.2017

Принята в доработанном виде

27.02.2017

Одобрена 10.04.2017

Доступна онлайн 29.05.2017

УДК 327.04**JEL:** Z18<https://doi.org/10.24891/ni.13.5.975>**Аннотация**

Тема. Сделана попытка исследования роли феномена «гибридной войны» в существующем геополитическом противостоянии государств. Рассмотрена специфика процесса глобализации и его роли в дестабилизации архитектуры современных международных отношений и недееспособности системы мировой безопасности.

Цели. Обзор и анализ факторов и аспектов, способствовавших появлению в геополитических отношениях такого феномена как «гибридные войны» для обоснования аргументов о необходимости формирования концепции «гибридного мира», способной перестроить и модернизировать существующую систему мировой безопасности.

Методология. При проведении исследования были использованы труды отечественных и зарубежных экспертов, изучающих проблематику современных войн, и такого их феномена, как «гибридная война». Применены методы научного, сравнительного и сопоставительного анализа, общенаучные методы теоретического, эмпирического познания и метода экспертных оценок.

Результаты. Рассмотрена сущность явления «гибридной войны», как современного инструмента геополитических взаимоотношений. Доказано, что феномен «гибридной войны» возник в результате структурного и институционального кризиса мировой геополитической системы и системы международной безопасности. Показано, что «гибридная война» затрагивает не столько военную сферу и вопросы государственной и мировой безопасности, но синергетически содержит в себе комплекс мер по деструктивному воздействию на все области жизнедеятельности и государственного функционирования противника, включая сферу экономики, внешней и внутренней политики, социально-гражданскую, этническо-национальную и духовную.

Область применения. Сформулированные в процессе анализа проблематики вопроса «гибридных войн» результаты могут быть использованы при разработке методологии и стратегии формирования системы государственной и национальной безопасности.

Выводы. Обоснован вывод о необходимости формирования концепции «гибридного мира», как политического ответа на эскалацию современных вызовов и угроз международной системе безопасности и системе международных отношений.

Ключевые слова: гибридные войны, гибридный мир, геополитическое противоборство, информационные войны, цветные революции

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2017

Введение

На сегодняшнем этапе развития цивилизации система поддержания мира и обеспечения безопасности, существовавшая до сих пор, исчерпала себя. Современная архитектура системы мировой безопасности находится в точке бифуркации и системного кризиса, который вызван трансформацией самого общества, активизацией (часто принудительной) процессов глобализации и интернационализации, ослаблением вследствие этого суверенитета и роли национального государства, попыткой полной монополизации экономической сферы и установлении тотальной политической гегемонии избранных государств над остальным геополитическим сообществом.

Следует помнить, что гегемония, в отличие от лидерства, предполагает приоритет двух базовых

принципов – влияния и главенства, с постепенным переходом к диктату и подавлению несогласных, или любой альтернативной версии развития геополитических событий. При этом занятой позиции гегемона позволяют как объективные факторы (превосходство в экономико-политической и военной сферах), так и субъективные – самостоятельное назначение государством (элитой) себя на эту роль, через определение гегемонии как базовой государственной стратегии¹.

Как результат, мировое сообщество практически планомерно и целенаправленно было приведено на порог такого феномена как тотальная война «всех против всех». И способствует этому применение

¹ Шаклеина Т.А. В чем «призвание» Америки? // Международные процессы: журнал теории международных отношений и мировой политики. 2006. № 3. URL: <http://intertrends.ru/five/003.htm#note1>

такого модернизированного варианта современной войны, как «гибридные войны». При этом сам феномен «гибридных войн» заключается в его двойственности. С одной стороны, с помощью этого военно-политического механизма осуществляется преднамеренная эскалация и дестабилизация геополитической обстановки, с другой – именно использование этого инструмента позволяет на сегодняшнем этапе не допустить вхождения современного мирового сообщества в глобальную войну, которая будет отличаться своей масштабностью не только по количеству жертв, но и по уровню задействованных участников. Связано это с тем, что в такой потенциальной войне будут принимать участие не только государства, утратившие свою монополию на власть и насилие, но и негосударственные структуры и сообщества, использующие свой иррегулярный организационный и военный потенциал.

Так как данные процессы и изменения носят институциональный характер и происходят в так называемый «переходный период» между окончанием постиндустриального и формированием нового, информационного общества, то происходит и формирование нового политического порядка, чем пользуются некоторые участники международных отношений, навязывающие свое видение и сценарии формирования архитектуры и развития мирового сообщества путем установления новых глобальных правил.

Современный мировой порядок заиклен на парадигме тотальной войны как единственном способе решения геополитических и общественно-социальных вопросов (конфликтов). При том этот порядок базируется сразу на двух концепциях, помогающих осуществлять эту стратегию, – на концепции гибридных (тайных) войн и концепции тотальной «справедливой войны», когда понятие войны как преступления трансформируется в понятие войны как формы наведения «мирового порядка». Иными словами, война вводится в ранг естественного правового и политического инструмента, а по сути, формируются и используются масштабные и практически ничем не регламентируемые полицейские международные функции, поскольку международные институты и структуры, отвечающие за вопросы безопасности, показали свою слабость и безрезультатность перед вызовами и угрозами современности. Таким образом, современная война постепенно приобретает черты, более присущие по форме войне гражданской, с ориентацией на приоритетность силы, как основного инструмента установления порядка.

Ситуация, когда война принимает характер гибридной, связана прежде всего с тем, что в современной геополитической системе все страны зависят друг от друга, и появилась легитимизация возможности принуждения к миру, навязыванию фетиша демократии, чужеродных ценностей не только прямым военным воздействием, но и с помощью значительного современного арсенала экономических, политических и прочих механизмов и инструментов. Чаще всего применяется комплекс таких средств. В связи с этим войны современности получили название «гибридных», что характеризует их как соединение многих вариантов и видов военных и невоенных действий.

«Гибридные войны» – принципы и особенности

Под гибридной войной следует понимать комплекс разных форм и видов политической, военной и социально-экономической деятельности, направленный на планомерную и целенаправленную дестабилизацию всех сфер жизнедеятельности и государственного функционирования оппонента в рамках межгосударственного противоборства. При этом сам термин «гибридная война» целесообразнее толковать как стадию конфликтной эскалации, на которой дипломатические договоренности возможны, а полномасштабную войну еще можно предотвратить.

Наиболее популярной формой гибридной войны является оставление страны воздействия (цели нападения) наедине с самой собой. При этом страну-цель разрывает внутренняя неуравновешенность, поскольку международная или самоизоляция ведут к нарастанию внутреннего напряжения (например, в виде революционных движений или проявления массового недовольства).

В конце XX в. американский исследователь Д. Гранж определил асимметричное политическое насилие как противостояние с отклонением от нормы или косвенную конфронтацию, участники которой пытаются избежать преимуществ противника и одновременно стремятся использовать свои преимущества относительно слабостей оппонента². Использование преимуществ асимметричного подхода в процессе насильственной борьбы не является абсолютно новым подходом в политической истории человечества. Еще в 1969 г. Г. Киссинджер, анализируя войну во Вьетнаме, отметил изменчивый характер принципов политического

² Grange D.L. Asymmetric Warfare: Old method, new concern // National Strategy Forum Review. 2000. P. 1–5.

насилия. По его мнению, в этой войне США, используя военные методы, стремились достичь физического истощения, а их противник направил свою стратегию на истощение психологическое. Это предполагало перевод противостояния в асимметричную плоскость, в рамках которой предусматривалось применение насилия для истощения сильного противника и формирование у него синдрома «усталости от войны» [1]. В дальнейшем научным сообществом в качестве синонимов асимметричного насилия начали использоваться такие понятия, как «малая война», «нерегулярные военные действия», «неконвенциональные войны», «антиповстанческие операции» и собственно «гибридная война». Все они так или иначе отражали специфику трансформации современного политического противостояния между силовыми структурами государства и негосударственными субъектами насилия. Однако чаще всего концепцию асимметричного насилия связывают с феноменом «четвертого поколения военных действий», в рамках которого один из участников насильственного противостояния имеет негосударственное происхождение, а государство теряет монополию на легитимное применение силы.

Сама проблематика возникновения такого явления как «гибридные войны» обусловлена многоплановостью и многоуровневым характером концепции гибридности, что позволяет использовать этот инструмент достаточно широко и активно на геополитическом поле, избегая обвинений в двойных стандартах и легализуя агрессивные возможности и оправдывая любые деструктивные действия более сильного оппонента по отношению к более слабому [2].

Некоторыми исследователями проблематики «гибридных войн» освещаются лишь узкие вопросы, отражающие один из инструментов или явление данного феномена. Так, например, Ж. Бодрийяр акцентирует внимание на том, что из-за масштабной повсеместной информатизации всех сфер жизни современного общества появилась такая угроза безопасности, как установление дистанционной власти над информационным полем [3]. То есть, информационное пространство любого участника геополитических отношений подвержено риску внешнего воздействия не только в целях его нивелирования или установления контроля над информационными потоками, но и для формирования самого этого пространства.

Отдельного внимания заслуживает фундаментальная монография «Гибридные войны» в хаотизирующемся

мире XXI века» [4]. Данное исследование было проведено коллективом авторов факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством профессора П.А. Цыганкова и охватило широкий круг вопросов современной мировой политики с проведением предметного анализа тенденций и перспектив политического обустройства современной геополитики, выделением роли в этом процессе проекта глобализации и таких аспектов, как формирование информационного общества, сетевые и кибервойны.

Однако в большинстве случаев при анализе современных форм асимметричного насилия исследователи чаще всего опираются на количественные показатели, что не позволяет полностью выявить и описать влияние асимметричной стратегии на характер трансформации данной формы политического насилия. Этим обуславливается необходимость полноценного анализа данного феномена, что дает возможность анализа нелинейного развития событий на локальном, региональном, национальном и глобальном уровнях политических отношений.

Теория гибридной войны способна удачно описать эволюцию вооруженных конфликтов, разрушить традиционные рамки дискуссий по поводу военного насилия, повысить уровень осведомленности о потенциальных рисках и угрозах политической безопасности государств и детализировать широкий спектр возможных форм и проявлений конфликтов. Лучше всего специфику гибридной войны описывает термин «конвергенция» (слияние), что действительно отражает слияние в единое целое вооруженных сил и гражданского населения, военной силы и информационно-психологической пропаганды, государственных и негосударственных субъектов насилия. Это указывает на способность современных конфликтов сочетать в себе сложные, военные, информационные, сепаратистские, партизанские и террористические угрозы.

Так, современный терроризм из несистемной, разрозненной формы трансформируется в деструктивную составляющую современной архитектуры международных отношений и выступает уже вполне сформировавшимся, самодостаточным, полномасштабным и значимым глобальным участником существующей системы общемировой безопасности. Но при всем понимании опасности мирового терроризма и необходимости формирования системы, механизмов и адекватных инструментов противодействия данной угрозе возникает еще одна проблема. Ведь в эпоху всеобщей войны,

носящей асимметричный сетевой характер, возникает еще один парадокс (по М. Хардту) «в мире, где насилие не будет считаться легитимным, в принципе допустимо называть всякое насилие терроризмом» [5]. К тому же в связи с активизацией процессов глобализации и усилением экспансионистской политики западной цивилизации стирается тонкая грань между понятием террористической структуры и силами, ведущими освободительную или оборонительную партизанскую войну. При этом если возникает ситуация, сформулированная К. Шмиттом, когда много заинтересованных третьих лиц конкурируют друг с другом, то партизан обладает свободным пространством для собственной политики. И при этом у него появляются все шансы и возникают необходимые условия для своей легитимизации. Следовательно, возникает необходимость *«трансформировать свое сопротивление в какую-то форму конституирующей силы, создающей общественные взаимоотношения и институты нового социума»* [6].

Таким образом, в связи с актуализацией такого феномена, как «гибридная война» требуется разработка концептуального подхода к переосмыслению самого явления войны и ее законов.

Гибридный вариант ведения боевых действий применяется в том случае, когда существует потенциальная опасность масштабной ответной военной реакции со стороны атакуемого государства. Более успешно и безопасно в таком случае применение механизмов и инструментов информационно-психологического воздействия (деструктивные акции и операции по подрыву политической, экономической, социальной, общественной стабильности страны), а также целенаправленное разрушение национальной и личностной духовной ориентации, ценностей и устоев населения.

Показательным элементом «гибридной войны» выступает фактор задействования иррегулярных вооруженных формирований в виде оперативных точечных действий подразделений специального назначения или с привлечением частных военных компаний. Одновременно с этими оперативными действиями проводится планомерная целенаправленная поддержка деструктивных, повстанческих и сепаратистски настроенных движений государства-цели в виде технического, финансового и консультативного сопровождения.

«Гибридный мир» как альтернатива «гибридной войны»

В свою очередь, «гибридный мир» выступает как результат комбинации и генерализации

геополитических линий, направленных на осмысление, разработку и внедрение в практическое использование концепции мира – противоположной современной концепции насилия и противоборства. Актуальность проблематики вопроса реформирования архитектуры системы международных отношений и мировой безопасности связана с эскалацией как цивилизационного противостояния Востока и Запада в целом, так и с геополитической конфронтацией России и стран Запада в частности.

Также следует учитывать, что современное общество переходит от политики «обороны» к концепции «безопасности», и при этом зарождается следующая дилемма: при установлении всеобщего мирового порядка и достижении стабильности резонно должен быть поставлен вопрос о дальнейшей необходимости существования самой силы, которая сможет обеспечить достижение этого порядка. В противном случае подобная сила может трансформироваться из формы объективного не ангажированного «судьи» в форму глобальной контролирующей структуры или геополитического участника, использующего в качестве подтверждения своих прав и полномочий и с целью продвижения собственной идеологии угрозу тотального насилия [5].

Исходя из изложенного, нельзя не согласиться с И.В. Радиковым, утверждающим: *«...чтобы выжить, человечество сегодня должно устранить главную угрозу своему существованию – политику господства над народами, ведущую, как свидетельствует история, к мировой войне. Иначе его ожидает апокалипсис»* [7].

Еще одной необходимостью конструирования архитектуры «гибридного мира» для создания полноценной и эффективной системы мировой безопасности является то, что фактически происходящая сегодня тотальная война несет важную концептуальную опасность. Она носит неофициальный, закамуфлированный характер, а значит, ввиду своей многоликости, «гибридности», правовой и структурной неоформленности не может быть завершена классически – путем заключения мирного договора.

Для проведения эффективной гибридной военной операции необходима оптимизация и интеграция абсолютно всех современных методов и средств: военных (модернизация военной техники и повышение эффективности высокоточного оружия включая ядерное, космическое и электронное), информационных (информационно-психологические

средства воздействия и противодействия, киберпространство), невоенных форм противостояния (дипломатия, финансовое и ресурсное противоборство).

Такой синергетический симбиоз необходим как для наступательных операций, так и в качестве полноценного паритетного оборонного «щита» государства, а также как балансирующая превентивная мера для сохранения стабилизации в рамках современной системы международной безопасности.

Обязательно во всех предпосылках к развязавшейся гибридной войне необходимо искать не только политический и социально-общественный следы, которые всегда и так выносятся на поверхность, но в большей степени – фактор экономический. Здесь мы согласны с С.Ю. Глазьевым, так как если исследовать государственную стратегию, к примеру, Соединенных Штатов, то *«сталкиваясь с перенакоплением капитала в финансовых пирамидах и устаревших производствах, а также с утратой рынков сбыта своей продукции и падением доли доллара в международных транзакциях, США стремятся удержать лидерство за счет развертывания мировой войны с целью ослабления, как конкурентов, так и партнеров»*³. Не секрет, что на сегодняшний день именно США пытаются всеми силами и средствами удерживать свой статус экономического и политического гегемона, задавая векторный тон всей геополитической деятельности современного международного сообщества. Именно стратегия данного государства оказывает основополагающую роль в деятельности стран евроатлантического сообщества относительно дестабилизации прочих геополитических участников международных отношений путем целенаправленного использования тактики «гибридных войн» для свержения правительств других стран и изменения их политических режимов и геополитических и геоэкономических позиций. В продолжение этой мысли можно согласиться с А.И. Фурсовым, считающим, что *«конечной целью североатлантических элит всегда была ликвидация России с последующим присвоением русских ресурсов и пространства»* [8].

Современные высокотехнологичные войны, включая новейшие виды и формы высокоточного и информационного оружия, стали возможными благодаря ряду факторов. Во-первых, это

снижение степени вероятности крупномасштабной глобальной войны с одновременной эскалацией войн региональных и локальных. Во-вторых, современные военные и вооруженные противостояния стали все более скоротечными, и при значительной динамике изменений ведения боевых действий одновременно могут резко и неожиданно охватывать крупные регионы даже на значительных расстояниях от противостоящих сторон. Классические формы военных действий переходят в фазу объемных сетцентрических операций, в которых основным фактором выступает не количественный состав вооруженных сил, а высокотехнологическая ресурсная и квалифицированная человеческая база, потенциал информационного контроля и интеллектуального противоборства [9].

«Цветные революции» как инструмент «гибридной войны»

Особое место в ведении гибридных войн занимает комплекс методов и способов информационного воздействия на государственные и социально-гражданские системы в целях формирования или подчинения своему контролю процессов управления социальным поведением сообществ, политической активности населения страны, ее руководства или целенаправленной деятельности направленной на свержение легитимной власти и изменение геополитических систем стран. Так, например, в основе феномена «цветных революций» лежит создание протестного движения, превращение его в политическую толпу и направление ее агрессии на действующую власть с целью заставить ее добровольно уйти с государственных постов и отказаться от управления страной⁴.

Такие возможности достигаются благодаря тому, что информация выступает одновременно и объектом и средством воздействия. Именно поэтому инструментарий информационных войн активно используется современными мировыми центрами силы для стимулирования необходимых геополитических и геоэкономических процессов полностью невоенными методами, путем информационно-психологического воздействия на государственные и общественные системы в целях их изменения, контроля и подчинения. Яркими примерами таких геополитических ходов на информационном поле являются события в Ливии, Тунисе, Египте, Сирии, Украине.

Предотвращением трагических событий украинского переворота 2013–2014 гг. должен был

³ Глазьев С.Ю. Об эскалации международной военно-политической напряженности и необходимых действиях России // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2015. № 16. С. 30–45.

⁴ Манойло А.В. Украина – генеральная репетиция // Стратегия России. 2015. № 4(136). С. 27.

заниматься легитимный президент, законно выбранный народом этой страны, с применением всех процедур и регламентов, притом без каких-либо несогласий со стороны внешних основных геополитических участников (включая ЕС, США и РФ). Вместо этого проведенная операция в стиле «гибридной войны» помогла осуществить государственный переворот по всем классическим правилам. Россия дипломатично не вмешивалась в сам внутривнутриполитический конфликт на Украине и не предпринимала активных попыток эскалации зародившегося внутреннего политического и социально-гражданского противостояния, до тех пор пока сформированную и сложившуюся ситуацию активно не начали использовать в своих геополитических целях ЕС и США.

Обозначенные участники международных отношений целенаправленно и деструктивно вели дестабилизацию обстановки в этом регионе с одновременными планомерными действиями в виде экономических и политических санкций в отношении России и проведением агрессивного информационно-психологического воздействия на Российскую Федерацию и мировое сообщество. Именно поэтому ответным шагом России на начало информационной войны Запада и «гибридной войны» в форме АТО (антитеррористической операции) Украины на территории Донецкой и Луганской народных республик стало использование инструментов миротворческой поддержки в Крыму и гуманитарного содействия ДНР и ЛНР. При этом, согласно формальным признакам международного права, данные действия никак нельзя назвать ни вооруженным конфликтом, ни предъявить претензии относительно эскалации и дестабилизации политической и социальной обстановки на Украине, так как по факту Российская Федерация выполняет гуманитарную миссию в государстве, где ведется междоусобная война и был произведен государственный переворот, силовыми и политическими методами свергнута легитимная власть⁵ [10].

Кроме того, если разбирать конкретный пример проведения гибридных военно-политических действий в Украине, то мы наблюдаем очередной парадокс. Очевидным фактом является то, что при обострении противостояния между государственной властью и оппозицией по сценарию «цветных революций» главной задачей силы, осуществляющей попытку захвата власти, является деятельность по недопущению

эффективного использования законной властью силы для пресечения деструктивной деятельности протестного движения с одновременным силовым давлением со стороны самой оппозиции. При этом фактически идет «игра в одни ворота».

Продолжим свою мысль относительно странностей и нелогичности украинского переворота. Если в 2014 г. массовые выступления населения были преподнесены как «революция достоинства», и международным сообществом поддерживалась мысль о легитимности вооруженного свержения законной власти, то спустя три года уже власть, пришедшая «на штыках» к руководству страной, осуществляет беспрецедентные масштабные меры по подавлению протестов и инакомыслия с помощью полицейских, судебных и военных мер. Подтверждается тезис, что режим, проявивший решимость и рискнувший «пустить кровь», имеет шансы сохранить свою власть [11].

Хотелось бы в связи с этим обратить внимание на тезис С. Хантингтона: «...когда бывшие оппозиционные группы приходят к власти, конфликт нередко вступает в новую фазу: в новом правительстве различные группы борются между собой из-за характера режима, который они должны установить» [12]. Из этого следует, что приверженцы демократии, согласно Хантингтону, представляют собой достаточно разрозненную по политическим взглядам группу, для которой демократия выступает не целью устройства государственных и общественных отношений, а является лишь формой прикрытия деятельности по свержению легитимной власти.

И действительно, украинскую «революцию достоинства» можно по факту считать именно переворотом, так как ни один из декларируемых тезисов, которыми обосновывалась необходимость проведения такой акции, за три года не был осуществлен. Произошло банальное смещение одних элит другими при одновременном уходе в режим внешнего подчинения, притом абсолютно во всех сферах — экономической, политической, военной — до полного диктата даже в социально-гражданской (подчинение стандартам и требованиям внешней стороны) и духовной сферах (имеется в виду целенаправленное и преднамеренное наступление на институт Русской Православной Церкви на территории Украины). Другими словами, налицо полный набор по-прежнему ведущейся «гибридной войны».

Можно с достаточной степенью уверенности считать высокую результативность проведения таких внешнеполитических операций, как мирное

⁵ Дьяков С.Г. Так кто же ведет на Украине «гибридную войну»? Сайт РИСИ. 28.12.2015. URL: <http://riss.ru/analitics/25075>

обеспечение прохождения референдума в Крыму в 2014 г. и гуманитарная и политическая поддержка ДНР и ЛНР – без прямого военного вмешательства прямым доказательством перехода международных отношений из фазы «гибридной войны» на этап формирования «гибридного мира». Также данные стратегические операции нивелировали попытки США и НАТО усилить деструктивную ситуацию и эскалацию геополитической обстановки в регионе СНГ и укрепить позицию в зоне своих жизненных интересов. Таким образом, мы видим два разных подхода к решению конфликта: если Российская Федерация проводит явно выраженную миротворческую миссию в целях ослабления напряжения и стабилизации обстановки в ДНР и ЛНР для недопущения гуманитарной социальной катастрофы, то Киев пытается постоянно усиливать эскалацию данного конфликта, заявляя о готовности перейти от боевых действий в форме АТО к полномасштабной войне.

Показательным примером осознания необходимости и эффективности применения гибридных форм проведения тактических операций можно считать и действия РФ в Сирии. В этой стране результативно проявил себя метод урегулирования вооруженного конфликта путем использования механизмов сетецентрических военных действий с применением видов высокоточного оружия нового поколения.

Практические результаты, достигнутые Россией в улаживании конфликтов и противостояния в Крыму и Сирии с помощью созидательного применения инструментария «гибридных войн» позволяют дать положительную оценку этой форме воздействия при проведении миротворческих операций, что вносит значительный практический вклад в формирование новой архитектуры современной системы международной безопасности. Однако вместе с этим также необходимо учитывать аспект ограниченности использования концепции гибридной формы проведения операций. Связано это с тем, что в современных конфликтах все сильнее развивается динамика применения гибридных способов ведения военных действий в случае вооруженного конфликта, например, в виде партизанского или террористического противостояния.

Следовательно, актуальность данной проблемы, наработки и опыт «гибридных» войн уже сейчас могут пригодиться не только для отстаивания государствами своих интересов и безопасности, но и для преодоления такой опасности, как усиление геополитического влияния и притязаний ТНК

и мирового терроризма. Эти участники мировых политических отношений начинают оказывать все более существенное влияние на геополитическую обстановку, включая вопросы развязывания и прекращения войн, смещения легитимной власти в государствах и прочих значимых для общества политических и геоэкономических актов.

Несмотря на постоянное декларирование в геополитике парадигмы борьбы за мир, новый виток гонки вооружений современности превратил в гибридное оружие абсолютно все ресурсы жизнеобеспечения, превратив практически всю планету (и даже космическое пространство) в тотальный театр боевых действий [13].

Возникновение такого феномена, как «гибридные войны» сместило и смешало угрозы национальным государствам, поскольку своей структурой и синергетичностью затрагивают одновременно как внешние, так и внутренние уровни жизнеобеспечения и функционирования, включая абсолютно все сферы жизни – от политической и экономической до социально-общественной и духовной.

Таким образом, «гибридная война», ставшая порождением геополитического и социального структурного и институционального кризиса общества, находящегося в точке бифуркации, и нивелированием системы международных отношений и международного права, является альтернативным способом разрешения политических и социальных конфликтов и одновременно инструментом участников международных и межгосударственных отношений.

Именно поэтому под «гибридным миром» следует понимать не только противостояние «гибридной войне», но и модернизацию системы международной безопасности и установление новых «правил игры» на геополитическом поле.

Несмотря на всю конфликтогенность условий современного геополитического противостояния стран западной коалиции и Российской Федерации, необходимо уделять больше внимания и усилий не только развитию механизмов и инструментов ведения войн четвертого поколения в их гибридной форме, но и выстраиванию четкой концепции «гибридного мира», в котором новая архитектура геополитики будет основана на идее разумных противовесов, созданных на базе превентивной дипломатии и парадигмы миростроительства. Это позволит построить новую систему глобальной и региональной безопасности, соответствующую новым вызовам, и предотвратить повторение подобных кризисов в будущем.

Деятельность по совместному формированию системы мировой безопасности является исключительно важным аспектом для урегулирования отношений западной коалиции с Российской Федерацией, изменения целенаправленной конфликтной и шантажирующей парадигмы внешней политики на цивилизованную парадигму терпимости и взаимовыгодного сотрудничества.

В целом же за последние десятилетия выработано понимание системы мировой безопасности как концепции равноуровневой системной деятельности в течение длительного периода времени в целях устранения глубинных причин конфликтов и создания структур, способных обеспечить культуру диалога и мирного урегулирования споров. Такая деятельность может включать в себя самые разнообразные мероприятия – от уроков примирения и взаимопонимания – к справедливому распределению или доступу к ресурсам, реформы конституционного строя, борьбы с коррупцией в правоохранительных органах или обеспечения честных и справедливых выборов, введения гендерного равенства, устранения различных форм дискриминации и т.п.

Новая система мировой безопасности должна способствовать утверждению так называемого «позитивного» или «устойчивого» мира, то есть не просто остановке насилия или боевых действий, а устранению глубинных причин конфликта, урегулированию проблем, которые могут вызвать его восстановление, так как около половины конфликтов в течение 20 лет после завершения их «горячей» фазы в той или иной форме повторяются. То есть конечной целью деятельности по урегулированию конфликта является не достижение перемирия или даже формального мира, а именно состояния устойчивого мира и устранения причин конфликта.

До сегодняшнего момента поддержание мира обеспечивалось присутствием ООН в конкретном регионе по согласованию со всеми заинтересованными сторонами и было направлено на развертывание военных сил и полицейских подразделений международного миротворческого контингента. Использование такого политического инструмента, как Совет Безопасности ООН, является существенным аспектом сегодняшнего обеспечения эффективности системы глобальной безопасности. Однако раньше операции, осуществляемые для поддержания мира (ОПМ) под эгидой ООН, базировались на трех принципах: согласии участвующих в конфликте сторон,

беспристрастности и применении силовых методов воздействия исключительно в целях самообороны и защиты мандата. Сегодня же геополитическое поле и «правила игры» претерпели значительные изменения, и поэтому эффективное миротворчество требует построения новой архитектуры европейской и мировой безопасности, особенно с учетом наметившихся трендов регионализации [14].

Происходящие в современной геополитике события показали, что для достижения своих целей в так называемых зонах «исключительных интересов» любое государство готово применить весь имеющийся военный, политический, ресурсный и информационный потенциал для проведения экспансионистских, агрессивных действий. Но в конечном итоге следует учитывать тот факт, что целью урегулирования конфликта является не его ликвидация, что зачастую невозможно (а иногда и нежелательно), а трансформация в мирный процесс социальных и политических изменений, которые устранят причины конфликта.

Необходимость созидания архитектуры «гибридного мира» обусловлена рядом факторов, среди которых – уже фактическое принятие за норму возможности изменять границы и политический облик существующих государств.

Необходимо понимать, что «гибридный мир» отличается от обычного изменениями, не предусмотренными изначальным замыслом. Именно поэтому, естественно, потребуются большой объем ресурсов и принципиальных реформ, способных кардинально реструктуризировать систему глобальной мировой безопасности [15]. Такая созидательная и реформаторская деятельность, направленная на укрепление структур ООН и повышение эффективности ее миротворческих инструментов, обеспечит гарантированное выполнение ими своих функциональных обязанностей [16].

Следует четко осознавать необходимость осторожного применения в современной геополитике такого мощного инструмента, как «гибридная война» ввиду неоднозначности и непредсказуемости получаемых результатов. Ведь на практике, к примеру, полемика относительно возврата Крыма Украине вызовет еще больший дисбаланс и эскалацию напряженности обстановки не только на самой Украине, но и на региональном уровне в СНГ и Восточной Европе. Ведь по факту появляется право насильственным способом принуждать

прекращать свой суверенитет одних государств в интересах и при агрессивных действиях других, что сразу же нивелирует само понятие и понимание суверенитета как это было в ситуации с Югославией. А подобные действия уже создадут политическую и социально-общественную напряженность не только в регионе Западной Европы, но и угрозу призыва к ответственности таких надгосударственных структур как НАТО или ООН. Это в свою очередь приведет к цепной реакции по вопросам правовой и политической оценки деятельности данных структур на территории Ирака, Ирана, Сирии, Афганистана и т.д.

Выводы

Все изложенное ясно свидетельствует о том, что общество уже вступило в фазу «гибридного мира». Мир фактически стал другим. Безвозвратно отжила свое и полностью нивелирована старая система международной безопасности, базировавшаяся на классическом видении роли государства на международной арене. Кардинально изменилась социальная система и ментальность современного общества. Это свидетельствует о том, что пора от теоретических рассуждений и допущений переходить к практическому формированию новой архитектуры международной безопасности, разрабатывая ее парадигму с учетом уже де-факто существующих концепций «гибридных войн» и «гибридного мира». Данные процессы уже невозможно повернуть вспять или пренебрегать ими. Их необходимо постепенно и планомерно вводить в правовые рамки международного существования государств и мирового сообщества.

Однако в связи со сказанным хотелось бы остановиться на таком постоянно умалчиваемом или вскользь обходимом моменте. Вариант европейской интеграции России в так называемую форму «расширенного Запада» либо теоретически озвучивает сам Запад, либо эту линию транслируют прозападные российские политики. Сразу возникает закономерный вопрос, а почему Российская Федерация не может выступать полноценным полюсом современной геополитики, уже имея свой собственный контингент союзников, представляя таким альянсам, как НАТО и ЕС, разумную альтернативу в форме ОДКБ, ЕврАзЭС, ШОС и БРИКС? Ведь Россия представляет собой самодостаточную державу, исторически выполняющую функцию

регионального балансирующего центра между Востоком и Западом. Например, США имеют на порядок меньший исторический опыт как государства, как нации в разрешении геополитических вопросов. Кроме того, Россия, как правило, участвует в решении региональных геополитических вопросов, действительно входящих в круг ее ближайших интересов или непосредственно затрагивающих национальные или государственные интересы.

В то же время как политика гегемонии США распространяется абсолютно на любой регион мира, если преследуются какие-то национальные интересы этой страны. Следовательно, существовавшая до сих пор архитектура международной системы безопасности требует существенных уточнений не только на геополитическом и дипломатическом уровнях. Связано это прежде всего с тем, что произошли не только значительные сдвиги в сфере международных отношений, но и значительное столкновение цивилизационных интересов Запада и Востока, и с этим уже невозможно не считаться. Кроме того, цивилизационное противостояние явно вышло из-под контроля Запада, ранее считавшего, что процессы взаимоотношения мировых центров формируются и контролируются именно западной частью мирового сообщества. Существующие на сегодня региональные и локальные конфликты явно указывают именно на системную составляющую. Другими словами, манипулируемый Западом Восток был долгое время направляем или контролируем политическими или экономическими механизмами. Однако на сегодняшний момент Восток уже не согласен, а Запад уже не может осуществлять подобный контроль, не прикрываясь при этом откровенно насильственными (Ирак, Ливия), или манипуляционными (Украина, Турция, Сирия) действиями.

Таким образом, в результате проведенного исследования сформулирована и обоснована идея создания новой архитектуры международных отношений – через применение концепции «гибридного мира», которая заключается в идее недопущения дальнейшей эскалации геополитической обстановки путем приведения к единым и распространяющимся на всех существующих участников международных отношений, правовым и политическим нормам, по которым и будет в дальнейшем функционировать система мировой и общественной безопасности.

Список литературы

1. *Mack A.* Why big nations lose small wars: the politics of asymmetric conflict // *World Politics*. 1974. Vol. 27. Iss. 2. P. 175–200. doi: <https://doi.org/10.2307/2009880>
2. *Магда Е.В.* Гибридная война: выжить и победить. Харьков: Виват, 2015. 320 с.
3. *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: РИПОЛ классик, 2016. 224 с.
4. «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века: колл. монография / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2015. 381 с.
5. *Хардт М., Негри А.* Множество: Война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. С. 43.
6. *Шмитт К.* Теория партизана. М.: Праксис, 2007. 301 с.
7. *Радиков И.В.* Нарастание военно-политической напряженности в условиях глобальной слабости международных институтов и «вырождение» войны // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015 . № 3. С. 35.
8. *Фурсов А.И.* Холодный восточный ветер русской весны. М.: Книжный мир, 2015. С. 230.
9. *Горбачёв Ю.Е.* Сетецентрическая война: миф или реальность? // Военная мысль. 2006. № 1. С. 66–76.
10. *Белозеров В.К., Соловьев А.В.* Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // Власть. 2015. № 9. С. 8–11.
11. *Гапич А.Э., Лушников Д.А.* Технологии цветных революций. М.: РИОР; ИНФРА-М, 2014. С. 56.
12. *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX в. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. С. 156.
13. *Сидоров П.И.* Ментальная экология террористической гражданской войны // Экология человека. 2014. № 7. С. 15–23.
14. *Осинов Ю.М.* Евразийская (постсоветская) международная интеграция как насущная актуальность // Философия хозяйства. 2014. № 1. С. 17–22.
15. *Барановский В.Г., Иванова Н.И.* Глобальное управление: возможности и риски. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 315 с.
16. *Дынкин А.А., Иванова Н.И.* Глобальная перестройка. М.: Весь мир, 2014. 528 с.

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

DISCUSSION ON CONFRONTATION AND COOPERATION IN THE CONTEMPORARY POLITICS:
FROM HYBRID WARS TOWARDS THE HYBRID WORLD

Andrei A. KOVALEV

North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
St. Petersburg, Russian Federation
senator23@yandex.ru

Article history:

Received 16 January 2017
Received in revised form
27 February 2017
Accepted 10 April 2017
Available online 29 May 2017

JEL classification: Z18

<https://doi.org/10.24891/ni.13.5.975>

Keywords: hybrid wars, hybrid world, geopolitical antagonism, information war, color revolution

Abstract

Importance The article examines the role of the hybrid war phenomenon in the existing geopolitical antagonism of States. I review the specifics of globalization and its role in undermining the stability of the global security system.

Objectives The research overviews and analyzes factors and aspects that engendered the phenomenon of hybrid wars in geopolitical relations. The analysis pursues providing the rationale for the hybrid world concept, which would rearrange and modernize the existing system of global security.

Methods The research draws upon proceedings of national and foreign scholars who study the problem of contemporary wars and the phenomenon of hybrid war. I applied methods of scientific, comparative and matching analysis, general methods of theoretical, empirical research and expert assessment.

Results The article illustrates the gist of hybrid war and proves that the phenomenon of hybrid war originated from the structural and institutional crisis of the global geopolitical system and global security system.

Conclusions and Relevance I justify my conclusion that it is necessary to formulate the concept of hybrid war as a political response to escalating challenges and threats in the global security system and international relations. The findings can be used to articulate the methodology and strategy for setting up the national security system.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2017

References

1. Mack A. Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict. *World Politics*, 1974, vol. 27, iss. 2, pp. 175–200. doi: <https://doi.org/10.2307/2009880>
2. Magda E.V. *Gibridnaya voina: vyzhit' i pobedit'* [Hybrid war: Survive and win]. Kharkov, Vivat Publ., 2015, 320 p.
3. Baudriallard J. *Dukh terrorizma. Voiny v Zalive ne bylo* [La guerre du Golfe n'a pas eu lieu. Le'spirit du terrorisme. Power Inferno]. Moscow, RIPOL Klassik Publ., 2016, 224 p.
4. *'Gibridnye voiny' v khaotiziruyushchemsya mire XXI veka: kollektivnaya monografiya* [Hybrid wars in the chaotizing world of the 21st century: a collective monograph]. Moscow, Moscow State University Publ., 2015, 381 p.
5. Hardt M., Negri A. *Mnozhestvo: Voina i demokratiya v epokhu imperii* [Multitude: War and Democracy in the Age of Empire]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2006, p. 43.
6. Schmitt C. *Teoriya partizana* [Theorie des Partisanen. Zwischenbemerkung zum Begriff des Politischen]. Moscow, Praxis Publ., 2007, 301 p.
7. Radikov I.V. [The escalation of military-political tensions in the global weakness of international institutions and degeneration of the war]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS = Public and Municipal Administration. Scientific Notes*, 2015, no. 3, p. 35. (In Russ.)
8. Fursov A.I. *Kholodnyi vostochnyi veter russkoi vesny* [Eastward cold wind of the Russian spring]. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2015, p. 230.
9. Gorbachev Yu.E. [Network-centric warfare: myth or reality?]. *Voennaya mysl' = Military Thought*, 2006, no. 1, pp. 66–76. (In Russ.)

10. Belozerov V.K., Solov'ev A.V. [Hybrid war in the domestic political and scientific discourse]. *Vlast' = The Authority*, 2015, no. 9, pp. 8–11. (In Russ.)
11. Gapich A.E., Lushnikov D.A. *Tekhnologii tsvetnykh revolyutsii* [Technology of color revolutions]. Moscow, RIOR, INFRA-M Publ., 2014, p. 56.
12. Huntington S. *Tret'ya volna. Demokratizatsiya v kontse XX v* [The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century]. Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2003, p. 156.
13. Sidorov P.I. [Mental ecology of the civil war of terror]. *Ekologiya cheloveka = Human Ecology*, 2014, no. 7, pp. 15–23. (In Russ.)
14. Osipov Yu.M. [Eurasian (Post-Soviet) international integration as an essential relevance]. *Filosofiya khozyaistva = Philosophy of Economy*, 2014, no. 1, pp. 17–22. (In Russ.)
15. Baranovskii V.G., Ivanova N.I. *Global'noe upravlenie: vozmozhnosti i riski* [Global governance: Possibilities and risks]. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2015, 315 p.
16. Dynkin A.A., Ivanova N.I. *Global'naya perestroika* [Global Perestroika]. Moscow, Ves' mir Publ., 2014, 528 p.

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.